

<1835. 5 марта. Письмо Ник. Г. Глинке>.

<...> Позволено ли поэту *изображать* порок? — Между словами *изображать* и *защищать* — большая разница. *Изображать* поэт все может и даже должен, иначе он будет односторонним; но представлять порок в привлекательном виде — преступление не перед одною нравственностью, а, к счастью, и перед поэзией; впрочем, я едва ли могу поверить, чтобы, кроме совершенно помешанного, кому могло вздуматься прямо хвалить *грабеж, насилие, пьянство, распутство* etc. Есть другие пороки, которые с первого взгляду менее грязны, и есть писатели, которые старались их представить заманчивыми: расслабление нравов семейственных, которые, впрочем, тоже распутство, да только более тонкое, безверие, эгоизм нашли, напр<имер>, защитника в Коцебу¹. Но поэт ли Коцебу? — Мне кажется, что унижение души, необходимо нужное, чтобы найти эту мерзость прекрасною, совершенно несовместимо с вдохновением, доступным — по-моему — только для души высокой или по кр<айней> мере влюбленной в высокое. Перейдем к частностям. Позволены ли поэту картины сладострастные? — Этот вопрос довольно сложен: не забудь, что он разрешается только самою поэзией, а не нравоучением; ибо теория, которая свободное искусство покоряет чему-нибудь постороннему, вместе уничтожает самое искусство. Если картина такова, что смущает нас, что возбуждает в нас скотскую похоть, — будь уверен, что тут и самая поэзия улетела: дело поэзии одухотворять вещественную природу, а не подавлять дух веществом. Впрочем, нередко виноват не поэт, а сам читатель: его воображение уже грязно, — вот почему оно марает картину поэта. Не смешон ли вопрос: благопристойная ли нагота в Венере Медицейской? и что скажешь о ханже или фавне, который вздумает разбить дивный истукан, дабы он не соблазнял его? Те же нагие истуканы — большая часть сладострастных картин древних. Гомер, напр<имер>, говорит о любви Гелены и Александра² так же бесстрастно и спокойно, как о щите Ахиллеса; он говорит о ней, потому что того требует его повесть, а не думает любоваться этою картиною, не мешкает на ней, не старается возбудить в слушателе (в его время еще читателей не было) вождление. Иное дело новые; напр<имер>, Виланд³; для него сладострастная сцена — находка; он до гадости медлит на самых мелочах, на самых неблагопристойных подробностях. Но, повторяю, поэт ли Виланд? — Впрочем, сладострастные картины и древних не советую читать никому, кто к ним не приступит с намерениями и с душой художника. Другая крайность — антипоэтическая — представлять, напр<имер>, в драме, в романе лицо порочное совершенным дьяволом, променять долг живописца на роль проповедника (говорю роль, ибо для поэта проповедовать — только роль, сверх того роль не в его характере); разумеется, что и тут поэзию убивают наповал, а вместе с нею и истину, потому что человеческих дьяволов нет, не было и никогда не будет. Представляй, художник,

природу, какова она есть; не хвали порочного, но не лишай его и того, что в нем не порок, что в нем прекрасно. Мщение — самое адское и страшное чудовище, но в душе мстительной есть энергия, совершенно не зависящая от самой мстительности, хотя мстительность и привита к ней; не лишай же Маргериты de Valois⁴ этой энергии; будь она фурия, но фурия мощная. Нравственность — самое святое дело; но что бы ты сказал о портном, который, не сшив тебе в срок мундира, стал бы говорить тебе: «Николай Григорьевич, не горячитесь! вспыльчивость — порок». Не так ли, — ты бы отвечал ему: «Предоставь моему духовнику читать мне поучения; твое дело — игла, нитки, ножницы». Тот же портной — поэт: его дело — изображать, а не учить. Но польза поэзии? Польза, друг мой, великое слово, если только понять, как должно это слово. Часто поэт полезнее всякого проповедника: не могу поверить, чтобы тот легко стал мерзавцем, кто раз полюбил наслаждения, какие дает нам поэзия, — разумеется, истинная. Поэзия возвышает душу, отвлекает ее от мелких хлопот, попечений, суеты ежедневной жизни, переселяет ее в мир красоты, покоя, картин и звуков и тем самым омывает, облагораживает ее — вот польза поэзии; другой не знаю и не постигаю. Может ли существовать нравоучительная или религиозная поэзия? О первой скажу решительно: нет; где учение — там уж нет поэзии. Поэзия религиозная совсем не то: если она невольное изливание чувств, если кто обращается к Богу, говорит об истинах религии, потому что иначе не может, — он, без сомнения, — поэт, и в самом высоком значении этого слова. Но очинить перо, разложить бумагу и сказать самому себе: «Напишу-ко я поэму дидактическую, в которой поражу всех противников католической церкви», — в нравственном отношении очень похвально, но вместе очень и не поэтически; а это-то и сделал Louis Racine⁵. А это-то и забывают очень часто наши Аристархи⁶. Впрочем, бог с ними, с Аристархами: мне их не судить и не переспорить. Судья им тот же Шиллер, на которого они так часто ссылаются; надеюсь, что Шиллера никто не обвинит в намерениях противунравственных; между тем он сильно в своих полемических сочинениях восстает на нравоучительную теорию в поэзии.⁷

Еще вопрос: виноват ли будет твой портной, если мундир, сшитый им для совсем иного употребления, ты наденешь в цели не нравственной, напр<имер>, с тем, чтоб вскружить голову дурочке, на которую эполеты, шитье etc. сильно действуют? Виноват ли и поэт, когда глупый школьник или едва вышедший из школы прапорщик читают его нарочно с тем, чтоб найти звуки, стихи и рифмы, в которые могли бы одеть свои нечистые помыслы?

<...>

Примечания:

Впервые: Литературное наследство. Т. 59. М.; Л. 1954. С. 455–456 (публ. В. Н. Орлова).

¹ Август фон Коцебу (1761–1819) — немецкий писатель, драматург, романист.

² То есть Елены и Париса. Парис, проведший юность пастухом, защищал стада от разбойников и получил за это имя *Александр* («отражающий мужей»).

³ Кристоф-Мартин Виланд (1733–1813) — немецкий поэт и прозаик; здесь упомянут прежде всего как автор изобилующей эротическими мотивами волшебной-фантастической поэмы «Оберон» (1780), романа «Приключения дона Сильвио де Розальвы» (1764), стихотворных «Комических повестей» (1765) и т. д.

⁴ Маргарита (Маргерите) де Валуа (1553–1615) — французская принцесса, супруга короля Генриха Наваррского (Генриха IV).

⁵ Луи Расин (1692—1763) — французский поэт, сын Жана Расина; по убеждениям яansenист; автор двух больших религиозно-дидактических поэм «Милость» («La Grâce», 1720) и «Религия» («La Religion», 1742).

⁶ Аристархи — здесь в смысле: строгие, придирчивые литературные судьи (от имени Аристарха — александрийского грамматика II–I в. до н. э., занимавшегося истолкованием и критикой греческих поэтов, в особенности Гомера).

⁷ Имеются в виду «Письма об эстетическом воспитании человека» (1795) Ф. Шиллера.